

В. В. Акимов

Древнеегипетские «Обличения поселянина» и библейская Книга Екклезиаста

Книга Екклесиаста, включающая размышления о месте человека в мире, сетования об окружающей человека несправедливости, напоминает, помимо прочего, и текст одного из шедевров классической египетской литературы, известного древнеегипетского сочинения, которое называют «Красноречивый крестьянин», или «Обличения поселянина».

«Обличения поселянина»: источники, состояние текста, время создания, автор, издания текста и его содержание

Текст «Обличений поселянина» дошел на четырех папирусах, которые датируются временем Среднего Царства: Papyrus Berlin 3023 (B1)¹, Papyrus Berlin 3025 (B2), Papyrus Berlin 10499 (R), Papyrus Butler 527 (British Museum 10274). Однако ни один из них не сохранил полного текста произведения. Полный текст восстанавливается при сопоставлении всех дошедших копий. Реконструированный текст включает 430 строк. Кроме того, отрывок произведения имеется на остраконе (A). Памятник был популярен не

¹ Списки текста обозначаются буквами по изданию Ф. Фогельзанга: Vogelsang, F. *Kommentar zu den Klagen des Bauern / F. Vogelsang*. Leipzig, 1913.

только в эпоху Среднего Царства, но и в более поздний период, о чем свидетельствует фрагмент его текста на остраконе XII-XI века.

Принято считать, что «Обличения поселянина» были созданы в период XII или XIII династии (XX-XVIII века до Р. Х.). Вместе с тем, в тексте упоминается фараон Небкауре, в правление которого происходили описываемые события. Небкауре был царем гераклеопольской династии. Его отождествляют с одним из фараонов IX-X династий, правивших в конце III тысячелетия, с Хети II или Хети III. В папирусе R дается иное имя фараона – Небкаре. Такое имя было у фараона III династии¹.

Обычно данный памятник называют «Красноречивый крестьянин», «Жалобы крестьянина». Однако египетское слово *shjtj* обозначает не столько крестьянина, сколько просто человека, который не является горожанином, жителя оазиса². И. Г. Лившиц перевел это египетское слово как «поселянин»³, а сам памятник назвал «Обличения поселянина».

Текст состоит из прозаической рамки, обрямляющей девять речей поселянина, написанных поэтическим языком. Исследователи обращают внимание на отличие языка прозаической рамки от языка поэтических жалоб. Повествовательные фрагменты написаны реалистично, просто и живо. Поэтическая же часть, девять жалоб, написана вычурным риторическим стилем, образным языком, с использованием метких высказываний, игры слов и созвучий⁴.

¹ См.: *Комментарии. Обличения поселянина // Сказки и повести Древнего Египта*. Перевод и комментарии И. Г. Лившица. Л.: Наука, 1979. (Серия: Литературные памятники). С. 205-206.

² Кацнельсон, И. С. *Художественная литература / И. С. Кацнельсон // Культура Древнего Египта*. М.: Наука, 1976. С. 326.

³ *Сказки и повести Древнего Египта*. Перевод и комментарии И. Г. Лившица. С. 37, 203.

⁴ *The Eloquent Peasant / Nili Shupak // The Context of Scripture*. Vol. I. *Canonical Compositions from the Biblical World*. Editor William W. Hallo. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 98.

Как отмечал И. С. Кацнельсон, жалобы «настолько вычурны, цветисты, перегружены пышными эпитетами и натянутыми метафорами, что некоторые мысли и сопоставления даже непонятны»¹. Такого рода текст мог написать опытный автор, образованный писец.

Факсимильное издание текста берлинских папирусов появилось в свет в 1908 году². Текст Папируса Батлера был опубликован в 1892 году³. В дальнейшем текст произведения печатался Ф. Фогельзангом в 1913 году⁴. В начале XX века появились переводы А. Х. Гардинера и А. Эрмана⁵. В настоящее время употребляются переводы конца XX

Foster, John. *Word Play in the Eloquent Peasant: The Eighth Complaint* / John Foster // *Bulletin of the Egyptian Seminar*. № 10. Missoula, 1989 - 1990. P. 61-76.

¹ Кацнельсон, И. С. *Художественная литература*. С. 326.

² Vogelsang, F. und Gardiner, A. H. *Die Klagen des Bauern* / F. Vogelsang und A. H. Gardiner. Leipzig, 1908.

³ Griffith, F. Ll. *Fragments of Old Egyptian Stories* / F. Ll. Griffith // *PSBA (Proceedings of the Society of Biblical Archaeology)*. № 14. London, 1892. P. 451 ff., pl. I-II.

⁴ Vogelsang, F. *Kommentar zu den Klagen des Bauern*. Leipzig, 1913.

⁵ Gardiner, A. H. *The Eloquent Peasant* / A. H. Gardiner // *JEA (The Journal of Egyptian Archaeology)*. № 9. London, 1923. P. 5-25.

Erman, A. *The Literature of the Ancient Egyptians*. Transl. by A. M. Blackman / A. Erman. London: Methuen & Co., 1927. P. 116-131.

См. также переводы в следующих изданиях: *The Eloquent Peasant // The Sacred Books and Early Literature of the East*. Volume II: Egypt. New York, London, 1917. P. 115-132.

Budge, Wallis. *The literature of the Ancient Egyptians* / E. A. Wallis Budge. London, 1914. P. 169-184.

Жалобы красноречивого крестьянина Хунануну // Бадж, Э. А. У. *Египетские сказки, повести и легенды*. Перевод с английского С. В. Архиповой / Э. А. У. Бадж. М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2009. С. 21-41.

– начала XXI века, сделанные Дж. Вильсоном¹, М. Лихтаймом², Р. Паркинсоном³, В. Тобином⁴ и др.⁵.

В 2000 году вышел сборник журнала «Lingva Aegyptia», представляющий обсуждение текста «Обличенный поселянина»⁶, а в 2003 году – монография Д. Курта, посвященная этому древнеегипетскому памятнику⁷.

¹ *The Protests of the Eloquent Peasant*. Translator: John A. Wilson // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969. P. 407-410.

² Lichtheim, M. *Ancient Egyptian Literature* / M. Lichtheim. Vol. 1. Berkeley, 1973. P. 169-184.

³ Parkinson, R. B. *The Tale of the Eloquent Peasant* / R. B. Parkinson. Oxford, Griffith Institute, 1991.

Parkinson, R. B. *The Tale of Sinuhe and Other Ancient Egyptian Poems 1940–1640 bc.* / R. B. Parkinson. Oxford, 1997. P. 54–88.

⁴ *The Tale of the Eloquent Peasant* // *The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry*. Third Edition. Edited and with an introduction by William Kelly Simpson. With translations by Robert K. Ritner, William Kelly Simpson, Vincent A. Tobin, and Edward F. Wente, Jr. Yale University Press / New Haven & London, 2003. P. 25-44.

⁵ *Ancient Egyptian literature: an anthology*. Translated by John L. Foster. University of Texas Press, 2002. P. 183-185.

The Eloquent Peasant / Nili Shupak // *The Context of Scripture*. Vol. I. *Canonical Compositions from the Biblical World*. P. 98-104

⁶ *Lingua Aegyptia 8. Reading the Eloquent peasant. Proceedings of the international conference on The tale of the Eloquent Peasant at the University of California, Los Angeles, March 27–30, 1997*. Ed. by A. M. Gnirs (T. Hare; Ch. J. Eyre; R. B. Parkinson; L. D. Morenz; S. Allam; M. Bontty; M. A. Light; A. M. Gnirs; F. Junge). Göttingen, 2000.

⁷ Kurth, D. *Der Oasenmann: eine altägyptische Erzählung übersetzt und kommentiert Kulturgeschichte der antiken Welt*. Bd. 103 / D. Kurth. Mainz am Rhein, 2003. Эту монографию подверг серьезной критике М. В. Панов в 2005 году (См.: Интернет-сайт «Египтологический изборник»).

Библиографию к «Обличениям поселянина» см. в издании: *The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry*. Yale University Press / New Haven & London, 2003.

На русский язык «Обличения поселянина» переводили М. Э. Матье¹ (частичный перевод), И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон², а также И. Г. Лившиц³, перевод которого наиболее важен, поскольку его автор ставил целью сделать не просто литературный пересказ, но предложить русскому читателю текст, близкий к египетскому оригиналу.

Начинаются «Обличения поселянина» с прозаического введения, в первой части которого рассказывается о поселянине из соляного оазиса по имени Хунануп. Поселянин спустился в Египет за продовольствием и навьючил своих ослов различными товарами (версия R, строки 1.1 – 6.1)⁴. Во второй части введения говорится о том, как поселянина ограбил Тхутинехт⁵, человек Ренси, главного управителя угодий (версия R, строки 6.2 – 8.5; версия В1, строки 33–63). В третьей части введения сообщается о том, как обиженный Хунануп стал искать справедливости у самого Ренси (версия В1, строки 64–83). Ренси выслушал поселянина и обратился к сановникам, которые посоветовали ему не наказывать Тхутинехта. Ренси никак не отреагировал на

¹ Из «*Повести о красноречивом крестьянине*». Перевод М. Э. Матье // *Хрестоматия по истории Древнего Мира*. Т. 1. М., 1950. С. 53–57.

² *Красноречивый крестьянин*. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона // *Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта*. М., 1958. С. 43–58.

См. также в издании: *Древний Египет. Сказания. Притчи*. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М.: Совпадение, 2000. С. 72–102.

³ *Обличения поселянина*. Перевод И. Г. Лившица // *Сказки и повести Древнего Египта*. Л., 1979; М., 2005.

⁴Используется текст «Обличений поселянина», составленный на основе трех манускриптов: R (1.1 – 8.5), В 1 (33–357) и В 2 (91–142). Текст транслитерации заимствуется из Интернет-сайта «Ancient Egyptian Language». Режим доступа: <http://www.rostau.org.uk/ep/index.html>. Дата доступа: 09.05.2011.

⁵ О проблеме прочтения имени обидчика поселянина см. статью: Берлев, О. Д. *Имя персонажа Повести о красноречивом жителе оазиса и иератический знак Moeller I 208 В* / О. Д. Берлев // *Древний Восток. Сборник статей*. М., 1975. С. 15–24.

произошедшее. Далее следует основная поэтическая часть произведения.

В поэтической части поселянин обращается к Ренси с девятью речами. В первой речи поселянин восхваляет Ренси и просит помощи от него (версия В1, строки 83-103). После этого в произведении имеется вставка (версия В1, строки 103-119), повествующая о том, как Ренси обратился к фараону Небкауре, чтобы рассказать ему о необыкновенно красноречивом поселянине. Фараон приказывает записывать речи этого человека, но не реагировать на них, вместе с тем, обеспечить и самого поселянина, и его семью продовольствием.

Во второй речи (версия В1, строки 119-170) поселянин сетует на царящую несправедливость, виновником которой, по его мнению, является Ренси. После обвинений в адрес Ренси поселянин призывает вельможу к справедливости. Во время произнесения этой речи Ренси один раз кратко обратился к поселянину.

В третьей речи (версия В1, строки 170-216) поселянин опять призывает Ренси к справедливости, но делает это без обвинений в его адрес. После этой речи Ренси послал к поселянину двух стражей, которые отхлестали его. В ответ поселянин кратко обличил Ренси (версия В1, строки 216-225).

В четвертой (версия В1, строки 225-256), пятой (версия В1, строки 256-271), шестой (версия В1, строки 271-297) речах призывы о помощи перемешаны с обличениями. В седьмой речи звучат жалобы на бедственное положение (версия В1, строки 297-321). Восьмая речь посвящена обличениям и полна надежды на помощь (версия В1, строки 321-357). Девятая речь включает назидание о том, как нужно вести себя с просителем (версия В2, строки 91-116). Следует отметить, что во всех речах поселянина обличения переплетаются с поучениями о том, какими должны быть представители власти, чиновники.

Заключение памятника (версия В2, строки 116-142) рассказывает о том, как Ренси призвал к себе поселянина, прочитал ему запись жалоб и передал текст жалоб фараону.

Фараон был очень впечатлен красноречием поселянина и повелел решить проблему самому Ренси. Справедливость восторжествовала. Тхутинехт был наказан. Окончание текста памятника повреждено. Можно предполагать, что Ренси передал имущество Тхутинехта обиженному им поселянину (так считали Ф. Фогельзанг, А. Эрман, А. Гардинер), или что Тхутинехт и вовсе стал рабом поселянина¹.

Структура «Обличений поселянина», включающая прозаическую рамку и поэтическую основную часть, характерна и для других литературных произведений Среднего Царства – «Разговора разочарованного со своим Ба», «Речений Ипувера», «Пророчества Ноферти».

Характерно, что жалобы, которые содержатся в поэтической части, касаются конкретной проблемы поселянина только косвенно. Как отмечает Н. Шупак, жалобы поднимают общую, широкую проблему соблюдения правосудия². Ситуация с поселянином является лишь поводом для рассмотрения глобальных проблем, для утверждения важности правосудия, необходимости справедливости, осуждения коррупции. В. Тобин подчеркивает, что основным предметом речей поселянина является концепция Маат³, т. е. правда, истина и справедливость. Собственно, красноречие поселянина черпает свою силу в том, что оратор убежден в важности, действенности и реальности правды и истины. Эта убежденность оттеняет происходящую несправедливость. В библейской Книге Еклезиаста мы также сталкиваемся с осуждением несправедливости, рассужде-

¹ Последний взгляд отражен, например, в переводе И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона: «И отдали Джути-Нахта как раба крестьянину вместе со всем его добром» (*Древний Египет. Сказания. Прутки*. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. С. 102).

О трактовках окончания произведения см.: *Комментарии. Обличения поселянина // Сказки и повести Древнего Египта*. Перевод и комментарии И. Г. Лившица. С. 217-218.

² *The Eloquent Peasant / Nili Shupak // The Context of Scripture*. Vol. I. *Canonical Compositions from the Biblical World*. P. 98-99.

³ *The Tale of the Eloquent Peasant // The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry*. P. 25

ниями о нарушении в этом мире правильного порядка вещей.

«Обличения поселянина» и Книга Екклезиаста: размышления о несправедливости

Для литературных памятников Среднего Царства в целом было характерно стремление к справедливости, забота о правосудии¹. В тексте «Обличений поселянина» идея справедливости, правосудия ко всем людям со стороны тех, кто имеет высокое общественное положение, занимает и вовсе одно из центральных мест, возможно, даже самое главное место.

В прозаическом введении изображается ситуация, в которой несправедливость только возрастает, усиливается. В первой части введения представлен поселянин, главной заботой которого является не поиск развлечения, радости, удовольствия, но только поиск пропитания для своей семьи. Во второй части представлен алчный Тхутинехт, ограбивший поселянина. Тхутинехт, как кажется, по своему материальному положению превосходил поселянина. Поселянина особенно возмутило то, что ограбление произошло в поместье Ренси, который считался образцом правосудия: «Он карает каждого грабителя во всей этой стране. И я буду ограблен в его (собственном) поместье!» (введение, 49)². В третьей части дело об ограблении стали рассматривать Ренси и его сановники. Сановники посоветовали вернуть отнятое, но не наказывать Тхутинехта, поскольку кража, совершенная им, была с их точки зрения совершенно ничтожной, касалась «щепотки натра и щепотки соли». Сам же Ренси никак не отреагировал на происходящее. По-

¹ *The Protests of the Eloquent Peasant*. Translator: John A. Wilson // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Edited by James V. Pritchard. P. 407.

² Здесь и далее текст «Обличений поселянина» дается по переводу И. Г. Лившица по изданию: *Обличения поселянина // Сказки и повести Древнего Египта*. Перевод и комментарии И. Г. Лившица. Л., 1979.

селянин оказался практически в безвыходном положении, почти без надежды на получение правосудия.

Введение заканчивается на том, что проблемы бедного человека богатым и облеченным властью людям кажутся совершенно незначительными. Богатые просто не в состоянии войти в положение бедняка. И фактически они покрывают притеснителя. Вышестоящие представители общественной элиты, власти, защищают нижестоящих преступников, не особенно интересуясь проблемами простых людей. Эта ситуация отчетливо напоминает слова из Книги Екклезиаста: «Если вымогательство у бедных, искажение суда и правды (אִם-עֲשֶׂךָ רֶשׁ וְנָזַל מִשְׁפָּט וְצֶדֶק) увидишь ты где-нибудь (в судебном округе) (תְּרָאֶה בְּמִדְיָה), - не удивляйся таким вещам (אֶל-תִּהְיֶה עַל-הַחֶפֶץ), потому что высокий (чиновник) защищен более высоким, а все они – высшими (עֲלֵיהֶם) (כי נְבִיא מֵעַל נְבִיא שֹׁמֵר וְנְבִיאִים)» (Еккл. 5:7)¹.

Как уже отмечалось в описании вводной части текста, поселянина особенно возмущало то, что несправедливость, пренебрежение истиной происходит именно там, где правда должна находиться под особой защитой. Эта тема развивается и в поэтической части памятника. В своей второй речи поселянин обращается к вельможе с такими словами: «Смотри! Правда, прогнанная со своего места, угнетена тобою. Сановники говорят зло; справедливость стала пристрастной; снимающие допрос грабят. Тот, кто должен схватить человека, извращающего подлинное значение слов, сам искажает их; тот, кто должен давать воздух, лежит, задыхаясь на земле; тот, кто должен навевать прохладу, делает так, что едва переводят дыхание; тот, кто должен производить (справедливый) раздел, - мошенник; тот, кто должен отвести беду, сам ее навлекает: город утопает в

¹ Здесь и далее текст Книги Екклезиаста дается в авторском переводе по изданию: *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. Текст других библейских книг дается в Синодальном переводе по изданию: *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями*. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.

бедствиях; тот, кто должен искоренить грех, творит зло» (вторая речь, 128-134).

В этой же своей речи поселянин особенно развивает данную тему. Недопустимо, когда справедливость нарушают те, кто должны быть ее защитниками: «Мерщик кучи зерна тащит для себя; тот, кто должен обеспечивать достаток другому, причиняет ущерб его имуществу; тот, кто должен наставлять в следовании закону, приказывает грабить. Кто же преградит путь низости? Тот, кто должен устранить несправедливость, сам поступает несправедливо. Одни притворно честен, другой коснеет в злодеяниях. Разве не относится это и к тебе? ... Зрячий стал слепым, внимлющий – глухим, наставник превратился в совратителя!» (вторая речь, 136-139, 144-145).

Поселянин даже берется поучать вельможу, призывая его быть праведным и наказывать нерадивых чиновников: «Пусть язык твой будет правильным; не ошибайся. Человек сам может быть причиной своей гибели. Не произноси лжи. Следи за сановниками. Корзиной (для фруктов) можно подкупить тех, кто производит дознание; их работа заключается в том, чтобы произносить ложь: они делают это с легким сердцем» (вторая речь, 162-165).

В четвертой речи поселянин, все более увлекаясь обличениями, рисует печальную картину окружающего его мира, в котором царит зло: «Уничтожено добро, нет никого, кто мог бы похвалиться тем, что ложь ниспровергнута» (228-229).

В пятой речи поселянин обрушивается на самого Ренси: «Ты поставлен выслушивать речь (просителя), рассуживать тяжущихся, наказывать грабителя. А ты оказываешь поддержку вору. Тебе доверяют, а ты становишься преступником» (265-268).

В шестой речи поселянин уже практически повторяет: «Тот, кто должен производить (справедливый) раздел, - мошенник; тот, кто должен приносить успокоение, - виновник горя; тот, кто должен приносить облегчение – виновник огорчений ... Ты учен, ты искусен, ты совершенен

– но не для того, чтобы грабить! (Однако) ты поступаешь так же, как обыкновенные люди» (279-281, 292-293).

Восьмая речь также не привносит в обличения ничего нового: «Вор, разбойник, грабитель – вот кто (эти) сановники, поставленные для того, чтобы бороться с несправедливостью. Прибежище для насильника – вот кто (эти) сановники, поставленные для того, чтобы бороться с ложью» (327-329).

Аналогичные сетоания мы находим и в Книге Екклезиаста: «И еще я увидел под солнцем (וְעוֹד רָאִיתִי תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ) место суда, где несправедливость (מְקוֹם הַמִּשְׁפָּט שָׁמָּה הָרָשָׁע) и место правды, где нечестие (וּמְקוֹם הַצְּדָק שָׁמָּה הָרָשָׁע)» (Еккл. 3:16). Простой человек едва ли способен найти защиту, обрести справедливый суд: «И я повернулся – я сам – и я увидел все притеснения, которые делаются под солнцем (וַיִּשְׁבַּחְתִּי אֲנִי וְאַרְאֶה אֶת-כָּל-הַעֲשָׂקִים אֲשֶׁר נַעֲשִׂים תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ)». И что же? Слезы притесняемых и нет им утешающего (וְאִין לָהֶם מְנַחֵם) и нет им утешающего (וְהַנְּהָה דַּמְעַת הַעֲשָׂקִים), и в руке притесняющих их сила, и нет им утешающего (וּמַיִד עֲשָׂקֵיהֶם כַּח וְאִין לָהֶם מְנַחֵם)» (Еккл. 4:1).

Книга Екклезиаста, как и египетские «Обличения поселянина», содержит в себе осуждение конкретных проявлений несправедливости, например, осуждение вымогательства и взяточничества: «Вымогательство делает мудрого безумным (כִּי הָעֵשֶׂק יְהוֹלֵל הַחָכֵם), и дар развращает сердце (וַיַּאֲבֵד אֶת-לֵב מִתְּנָה)» (Еккл. 7:7).

К несправедливости человека подталкивает зачастую алчность, страсть к обогащению и наживе. Осуждение алчности встречается в «Обличениях» достаточно часто. Во второй речи поселянин призывает чиновника не просто не быть алчным, но быть благотворителем по отношению к простым людям. Богатство, которым обладает Ренси, достаточно не только для него, но и для нуждающихся, тем более, что время жизни человека ограничено, и после своей смерти человек теряет свое материальное состояние: «Что ты израсходуешь, насыщая зависящих от тебя людей? Смертный умирает вместе со своей челядью; разве будешь ты жить вечно?» (125-126).

В Книге Екклесиаста неоднократно подчеркивается, что человек неизбежно потеряет свое имущество, каким бы оно ни было, и какое бы положение в обществе человек не занимал, что общий удел всех людей – это смерть. В Еккл. 1:14 все человеческие дела автор называет пустотой и веянием ветра, в 2:14 он характеризует как пустые и бесполезные свои собственные многочисленные деяния и достижения, в 2:17-19, 21 он вообще возненавидел весь свой труд, поскольку результаты этого труда он вынужден будет оставить другому человеку, в 1:3 и 3:9 он задает риторический вопрос о пользе человеческих трудов, вопрос, подразумевающий отрицательный ответ: нет никакой пользы, в 6:1-2 автор негодует по поводу того, что имущество человека в конечном итоге достается чужому человеку.

В Еккл. 3:19-20 автор подчеркивает, что все живые существа умирают, все идут в одно место, все, возникшие из праха, в прах и возвращаются. Какой бы долгой ни была жизнь человека, он все равно умрет: «Не в одно ли место все уходят (הכל הולך אֶחָד אֶל־מָקוֹם אֶחָד)?» (Еккл. 6:6). Поэтому нет преимущества у мудрого перед глупым, нет преимущества ни у какого смертного человека: «В чем превосходство мудрого перед глупым (כִּי מֵהֵיחָד לְחָכָם מִן־הַכְּסִיל)? В чем – бедного, знающего как поступать, перед всеми живыми (מֵהֵלְעָנִי יוֹדֵעַ לְהֵלֵךְ נֹדֵד הַחַיִּים)?» (Еккл. 6:8). Смерть постигает всех: «Всему и всем – одна участь (הכל כָּאִשֶׁר לְכָל מִקְרָה אֶחָד), праведникам и злым, благим и чистым и нечистым (וְלַטְמֵא וְלַטְהוֹר וְלַטָּהוֹר וְלַטָּהוֹר וְלַטָּהוֹר וְלַטָּהוֹר), и приносящим жертву, и тем, которые не приносят жертву (וְלֹא־זֹבֵחַ וְלֹא־זֹבֵחַ אֵינִי זֹבֵחַ), как благим, так и согрешающим, клянущемся и боящемся клятвы (כָּאִשֶׁר וְלֹא־זֹבֵחַ וְלֹא־זֹבֵחַ אֵינִי זֹבֵחַ)» (Еккл. 9:2). Человек не может забрать богатство с собой в могилу: «Как он вышел из утробы матери своей голым (כָּאִשֶׁר יָצָא מִבֶּטֶן אִמּוֹ עָרוֹם), так и возвратится, идя таким, каким пришел (יָשׁוּב לְלֶכֶת כְּשָׁבָא) (ישׁוּב לְלֶכֶת כְּשָׁבָא). И ничего не поднимет в своем труде, что желал бы унести в своей руке (וּמֵאוּמָה לֹא־יָשָׂא בְעִמְלוֹ שִׁילָךְ בְּיָדוֹ). И это также мучительное зло (וְגַם־זֶה רָעָה חוֹלָה). Каким он пришел, таким и уходит (כְּלִמְעַמַּת שָׁבָא בֶן־יָלָךְ). И что приобретает он, работая на ветер (וּמֵהֵיחָד לֹו שִׁיעֵמֹל לְרוּחַ)?» (Еккл. 5:14-15).

ведливости. Жалобы Екклезиаста имеют более глобальный характер. Они опираются на широкий жизненный опыт, который свидетельствует о том, что в этом мире царит общая несправедливость, злые люди на земле долгоденствуют, а праведные погибают, праведность не только не обеспечивает жизненного успеха, но даже способна укоротить человеческую жизнь (Еккл. 7:15-16), человек, потративший огромные усилия для достижения благосостояния, для накопления богатства, в один миг лишается всех результатов своего труда. Грустный и трагичный взгляд Екклезиаста на мир обуславливается отчасти и отсутствием у него четких представлений о загробном воздаянии.

Однако какими бы не были источники сетований египетского и библейского авторов, размышления по поводу несправедливости приводят их к эмоциональному заявлению о том, что лучше умереть, чем жить в таком испорченном мире.

Когда после произнесения девятой речи за поселянином пришли стражники, тот испугался за себя и сказал: «Источник воды для стремящегося к ней истомленного жаждой человека, молоко для тянущегося к нему своими губами грудного младенца – вот что такое тщетно призываемая смерть для того, к кому она медлит прийти» (заключение, 119-122). Этими словами он, как представляется, хотел выразить то, что он не боится смерти, которая в данной ситуации будет его помощницей, избавит его от несправедливости. Автор Книги Екклезиаста, глядя на зло, которое происходит в мире, также восклицает: «И я превознес умерших, которые уже умерли (אֲנִי אֶתְהַלְלֵם שֶׁכָּבְדוּ מֵתֵי), над живыми, которые еще живут (אֲשֶׁר הָמָּה חַיִּים עֲרֵנָה) (משפּט)» (Еккл. 4:2).

Правда, истина и справедливость как незыблемый закон жизни. Проблема воздаяния

Однако, не смотря на сетования, характерные для «Обличений поселянина», это произведение нельзя назвать памятником, отражающим пессимистический взгляд на жизнь и человеческое общество в целом. Египетский автор

видит перед собой совершенно четкий идеал правды, истины, справедливости, гаранты которого являются божества. Он убежден в том, что правда является неизблемым законом жизни человеческого общества, что, в конечном счете, правда побеждает, зло будет наказано, ложь будет ниспровергнута.

Характерно, что свое обращение к Ренси поселянин начинает не с обличения, а с восхваления вельможи, который представляется неким олицетворением правды и истины, образцом правосудия и справедливости. Сам же идеал справедливости, как он мыслится поселянином, вполне соответствует тому древнему идеалу, который был распространен на всем Древнем Ближнем Востоке.

По словам поселянина, которые мы читаем в первой речи, Ренси – это «отец для сироты, супруг для вдовы, брат для разведенной, защитник для того, кто не имеет матери» (93-95). Такая характеристика Ренси удивительным образом перекликается с тем, что мы встречаем в некоторых библейских книгах. Например, в Книге Исход (в Кодексе Завета), во Второзаконии и в Книге Притчей Соломоновых Бог представляется покровителем беззащитных людей, вдов и сирот (Исх. 22:22-23; Втор. 10:18; 14:28-29; 24:17-22; 27:19; Притч. 23:10-11). Вместе с тем, образ царя как защитника социально незащищенных слоев общества, вдов и сирот, присутствует и в ряде месопотамских правовых памятников¹, и в египетских текстах².

¹ См. надпись о законодательной реформе Уринингины, пролог Законов Шульги, пролог Законов Хаммурапи.

² «Сделай так, чтобы умолк плачущий, не притесняй вдову, не прогоняй человека из-за имущества его отца», - говорится в Поучении Мерикара (47) (*Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара*. Перевод Р. И. Рубинштейн // *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Ч. 1. Под редакцией М. А. Коростовцева. М.: Высшая школа, 1980. С. 32).

«Я подавал бедному, я возвышал малого, я был доступен нищему как и имущему», - сообщает Поучение царя Аменемхата (1.6) (*Поучение царя Аменемхата*. Перевод М. А. Коростовцева // *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Составление и комментарий А. А. Вигасина. М., 1997. С. 30).

В первой же речи присутствует и такая характеристика Ренси: «Наставник, чуждый алчности, великий, чуждый низости, искореняющий ложь, вызывающий к бытию истину, приходящий на голос вопиющего!» (97-99). В следующей речи Ренси представлен как гарант и эталон справедливости: «Кормило неба, опора земли, нить отвеса! Кормило, не сбейся с курса! Опора, не покосись! Отвес, не отклонись в сторону!» (вторая речь, 122-123).

В своих речах поселянин несколько раз подчеркивает, что справедливость Ренси, это даже не его собственная справедливость, это справедливость богов. Творя правду и истину, Ренси делается подобным богам, которые и являются настоящим источником справедливости. В третьей речи поселянин говорит: «Ты Ре, господин неба, с твоими придворными! (Ты посылаешь) пропитание всем людям, так же, как воды (наводнения). Ты Хапи, заставляющий зеленеть луга, вновь приносящий жизни опустошенным землям. Дай отпор грабителю, заступись за угнетенного. Не будь бурным потоком по отношению к просителю: берегись приближения вечности. Стремись жить долго по речению: «Справедливый поступок – дыхание для носа»» (172-177).

В седьмой речи Ренси сравнивается с богом Тотом: «Ты – кормило всей страны. Страна плывет по твоему приказу. Ты – второй Тот, который вершит суд беспристрастно» (299-300). И наиболее ясно мысль о том, что земной правитель должен подражать божественному правосудию, представлена в восьмой речи: «Твори справедливость ради Владыки справедливости, справедливость которого – (подлинная) справедливость» (334-335). Так что человеческое правосудие, как отмечает в этой связи Р. Паркинсон, является, по мысли автора «Обличений», проявлением божественного правосудия¹.

И если правосудие происходит от богов и угодно богам, то всякое нарушение его, неправосудие будет наказа-

¹ Parkinson, R. B. *Voices from Ancient Egypt. An Anthology of Middle Kingdom Writings*. P. 64.

но. Напоминания о наказании, возмездии звучат, начиная с третьей речи: «Чем же все это кончится для тебя? Найдут, наконец, сокрывшего правду, ложь будет ниспровергнута! Не старайся обеспечить (себе) завтрашний день, прежде чем он наступил, кто знает, какие беды он несет с собой» (213-215). Преступник, совершая зло, надеется на то, что плоды его зла обеспечат ему безбедное будущее. Но у преступника нет такого будущего.

Интересно, что с данными словами из «Обличений» сходны выражения из Книги Притчей Соломоновых (Притч. 27:1: «Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день») и из Нагорной проповеди Иисуса Христа («Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своем: довольно для *каждого* дня своей заботы» (Мф. 6:34)). Однако сходство в призыве не заботиться о завтрашнем дне является чисто внешним, поскольку данные призывы звучат в различном контексте. В египетском произведении речь идет о совершении преступления.

В Книге Екклезиаста нет подобного прямого призыва, но размышления Екклезиаста также наводят на мысль о том, что человеку не нужно чрезмерно заботиться о завтрашнем дне. Заботы о будущем обесцениваются у него перспективой смерти. Что бы человек ни делал, что бы ни насобирали, накопил, все это у него отнимет или смерть или трагические обстоятельства.

Итак, автор «Обличений» уверен в том, что преступник будет наказан. Эта уверенность выражается и в четвертой речи («Не злоупотребляй своим могуществом, чтобы не постигло несчастье (и) тебя» (244-245)), и в седьмой речи («Твоя нерадивость погубит тебя, твоя алчность навлечет на тебя беду, твоя жадность создаст тебе врагов» (312-313)). Но особенно много рассуждений на тему воздаяния находится в последних двух речах. В завершение своих обличений поселянин настойчиво проводит мысль о том, что ложь будет изобличена, за преступлением последует наказание, восторжествует правда, а честному человеку будет сопутствовать удача:

«Жадность приводит к глубокому падению. Человек с алчным сердцем не достигает (своей) цели; цель, которой он достигает, - неудача. Твое сердце алчно: это не подобает тебе; ты грабишь: это не на пользу тебе» (восьмая речь, 322-323);

«У человека нерадивого нет вчерашнего дня, у того, кто глух к правде – нет друга, у человека с алчным сердцем нет радостного дня» (девятая речь, 109-111).

Книга Екклезиаста отличается противоречивостью суждений, в том числе и суждений о воздаянии. Наряду с сомнениями в воздаянии, в ней выражается уверенность и в том, что зло все-таки будет наказано, и в том, что человек должен жить праведно. Эта уверенность, в конечном счете, представляется автором или редактором Книги Екклесиаста центральной идеей всей книги. Собственно, эта уверенность и определила канонический статус этой библейской книги. «Итог всего слова (סוף דבר הכל נשמע): бойся Бога и храни Его заповеди (אזהרהאלהים ורא ואהימצותיו שמור), потому что это – все для всякого человека (כִּי־זוהוּ כָּל־הָאָדָם). Потому что всякое дело приведет Бог на суд (אִתְּכֶם־כָּל־מַעֲשֵׂה הָאֱלֹהִים יָבֵא בַּמִּשְׁפָּט) (עַל כָּל־נַעֲלָם אִם־טוֹב וְאִם־רָע)» (Еккл. 12:13-14).

Автор Книги Екклесиаста несколько раз напоминает о божественном суде. И хотя из самого текста книги не понятно, является ли этот суд прижизненным или посмертным, понятно то, что зло не избежит наказания. Например, в Еккл. 11:9-10 автор напоминает юноше о том, что он, при всем своем веселье, должен помнить, что за все его дела он будет приведен Богом на суд. Подобным образом говорится и в Еккл. 3:17: «Я сказал в сердце моем (אמרתי אני בלבי): праведника и нечестивого будет судить Бог (ישפט האלהים), потому что миг – всякому наслаждению и суд - всякому делу (כי־יעת לכול־חפץ ועל כל־המעשה שם)».

Наказание за зло в реальной жизни может задерживаться, но оно неизбежно:

«Когда не скоро делается приговор злым делам (מהרה מחכה), тогда полно сердце сынов человеческих деланием зла (אשר אין־נעשה פתנם מעשה הרעה על־כן מלא לב בני־האדם בהם לעשות רע)».

Хотя согрешающий делает зло сто раз и продолжает это (לו), (אֲשֶׁר חָטָא עֲשָׂה רַע מֵאֵת וּמֵאֲרִיךְ), но я также знаю, что будет благо боящимся Бога (כִּי נִסְיָוֶדַע אֲנִי אֲשֶׁר יִהְיֶה-טוֹב לְיִרְאֵי הָאֱלֹהִים), которые будут бояться Его лица (אֲשֶׁר יִירְאוּ מִלְּפָנָיו). И не будет блага злему (וְטוֹב לֹא-יִהְיֶה לְרָשָׁע), и не продлится днями, как тень (וְלֹא-יֵאָרֶךְ יָמִים כַּצֶּל), тот, кто не боялся лица Бога (אֱלֹהִים אֲשֶׁר אֵינְנוּ יְרֵא מִלְּפָנָיו)» (Еккл. 8:11-13).

Грешник может быть наказан даже и при своей жизни: «Ведь человеку, который благ перед Его лицом (שָׂטוֹב לְפָנָיו), Он дает мудрость, и знание, и веселье (וְדַעַת וְשִׂמְחָה), а согрешающему Он дает труд собирать и складывать (וְלִחְוֶסֶא נְתַן עֲנָן לְאֶסְרָף וְלִכְנוּס), чтобы дать благому перед лицом Бога (לְתַת לְטוֹב לְפָנָי הָאֱלֹהִים). Но это также пустота и веяние ветра (נִסְיָוֶדַע הַכֶּל וְרֵעוּת רוּחַ)» (Еккл. 2:26). Праведная жизнь, жизнь в согласии с божественной волей и божественными заповедями, защищает человека от зла. Эта мысль выражена и в Еккл. 8:11-13, и в Еккл. 7:18, где подчеркивается, что боящийся Бога избежит неприятностей в жизни, и в Еккл. 8:5: «Соблюдающий заповедь не узнает никакого зла (שׁוֹמֵר מִצְוָה לֹא יִדַע דָּבָר רַע), сердце мудрого знает и время (יָדַעַת וּמִשְׁפָּט יִדַע לֵב חָכָם)».

Как и в египетском произведении, в библейской Книге Екклезиаста справедливость и праведность проистекают от Бога, Который, не смотря ни на что, контролирует происходящее в этом мире и является гарантом справедливости.

Очень важно отметить то, что когда египетский автор говорит о воздаянии, он имеет в виду не только воздаяние, которое совершается при жизни человека, но и воздаяние, которое происходит после смерти человека:

«Говори правду, твори правду, ибо она возвышенна, могущественна, долговечна... она ведет к блаженству» (восьмая речь, 351-353);

«Злое дело не достигнет гавани, (а) человек честный пристанет к берегу» (восьмая речь, 357)¹;

¹ Очень интересно сравнение человеческой жизни, жизни справедливой, а также справедливого суда с плаванием. Образ плавания встречается в «Обличениях» неоднократно. Например, в первом об-

«Если кривда отправляется в путь, то она блуждает: она не переправляется на пароме, нет (ей) удачи в пути. Тот, кто разбогател благодаря ей, - нет у того детей, нет у того наследников на земле. Тот, кто отправляется с нею в плавание, - тот не пристанет к берегу, его корабль не достигнет своей гавани» (девятая речь, 98-103);

«Ведь правда пребывает до века, она нисходит вместе с тем, кто поступает в соответствии с ней, в преисподнюю, когда совершается его погребение. (И) когда он предан земле, его имя не изглаживается на земле: его вспоминают за добрые дела. Таково предписание Слова Божия» (восьмая речь, 338-342).

Память праведного человека не изглаживается. Имя праведного поминают и после его смерти. В контексте египетских религиозных представлений, поминовение имени обеспечивает продолжение жизни человека в загробном мире. В Книге Екклезиаста также поднимается тема погребения и памяти о человеке после смерти, и эта тема также связана с праведностью умершего. Но если в «Обличениях» речь идет о погребении праведного, то в Книге Екклесиаста – о погребении нечестивых.

«И потом я видел как хоронят нечестивых (רְשָׁעִים קָבְרִים) (ויבֹכֵן רֵאִיתִי קְרוֹשׁ יְהִלְכוּ) и приходят, и от святого места уходят (וְבָאוּ וּמְמִקּוֹם (וַיִּשְׁתַּחֲוּוּ בְעִיר אֲשֶׁר בִּן־עֵשׂוּ) (נִמְצְאָה הַבְּלָה)» (Еккл. 8:10). Нечестивых людей после смерти постигает забвение. Так понимает данный стих Синодальный перевод («Видел я тогда, что хоронили нечестивых, и приходили, и отходили от святого места, и они забываемы были в городе, где они так поступали») и А. Графов («Я видел, как хоронят злодеев, а после люди идут домой, прочь от святого места, - и город забывает злодеев»). Такое прочтение данного стиха согласуется с упомянутым выше отрывком из

личении поселянин говорит вельможе, сравнивая праведный суд с плаванием по озеру справедливости: «Ты спускаешься к озеру справедливости и плывешь по нему под парусами». Подобный образ встречается и в «Поучении Птаххотепа» (93).

египетского текста и оправдывается общим контекстом 8 главы Книги Екклезиаста: в 5 стихе этой книги подчеркивается, что соблюдающий заповедь избежит зла, в 8 – что человек не властен над смертью, и нечестие не избавит тех, кто ему следует, в 12 – что будет благо боящимся Бога.

Однако возможно и другое прочтение данного стиха, при котором позиция библейского автора будет противоположной позиции египетского автора. Речь идет о тексте Септуагинты. В переводе на русский язык, сделанном П. Юнгером, отрывок Еккл. 8:10 звучит так: «И тогда видел я, что нечестивых уносили в гробницы, и из святого (места) уходили, и они восхваляемы были в городе за то, что так поступали. И это – суета»¹. Такой перевод также согласуется с непосредственным контекстом. Во-первых, при этом варианте вполне понятным выглядит конечное высказывание «это снова пустота (נִבְיָהּ לֹא הָיָה)». Ведь масоретский вариант текста называет суею, пустотой забвение памяти нечестивых, что не очень логично. Во-вторых, в следующих стихах подчеркивается то, что сыны человеческие не боятся делать зло, поскольку наказание не приходит быстро (Еккл. 8:11), а также то, что праведников зачастую постигает то, что заслуживают нечестивые, и наоборот (Еккл. 8:14). Вариант Септуагинты предпочитают и современные толкователи книги².

Скорее всего, масоретский текст дает искаженный вариант стиха Еккл. 8:10. Еврейское слово קברים масореты огласовали как пассивное причастие. Греческий перевод предполагает иную огласовку – форму имени множественного числа, откуда и возникает греческое τάφους, «могилы, гробницы». Кроме того, еврейское слово וַיִּשְׁתַּחֲוּוּ может нести на себе следы ошибки переписчика, который вместо буквы ב поставил букву כ. Слово וַיִּשְׁתַּחֲוּוּ – это имперфект 3

¹ Юнгер, П. А. *Книги Екклезиаст и Песнь Песней в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями* / П. А. Юнгер. Казань, 1916. С. 33.

² См., например: Horne, Milton P. *Proverbs-Ecclesiastes* / Milton P. Horne. (Smyth & Helwys Bible commentary, 12). Macon: Smyth & Helwys Publishing, 2003. P. 492.

лица множественного числа мужского рода породы Гитпаэль от глагола כָּשַׁ, «забывать». В Еккл. 9:5 этот глагол встречается в породе Нифаль. Ряд средневековых еврейских рукописей дает иной вариант этого слова¹ – וישתבחו («и их восхвалили»), производя его от глагола כָּבַשׁ, «хвалить, восхвалять», который в породе Гитпаэль переводится как «хвалиться, кичиться, похваляться, хвастаться». В породе Гитпаэль этот глагол встречается в Пс. 105:47; 1 Пар. 16:35. Подобное прочтение данного слова характерно и для Септуагинты (καὶ ἐπρήθησαν), текста Акилы, Феодотиона (καὶ ἐκαυχῆσαντο) и Симмаха (καὶ ἐπαυούμενοι)². Такой же вариант отражает и Вульгата.

При переводе данного стиха возникает еще одна сложность. Не совсем понятно, кто подразумевается под приходящими и уходящими. Это могут быть и сами нечестивые, и люди, которые или хоронят этих нечестивых, сразу забывая о них, или восхваляют этих нечестивых. Синодальный перевод отличается буквальностью и двусмысленностью. А. Графов понимает под ними участников похоронной процессии. Иероним Стридонский под приходящими и уходящими понимал именно нечестивых, которые восхваляются при своей жизни: «Нечестивые умирают с таким мнением и погребаются так, как бы они считались на земле святыми; да и при жизни они признавались достойными церкви и храма Божия, и, высоко поднимая голову, получали восхваления в своих злодеяниях»³. Сам же стих Еккл. 8:10 в своем комментарии Иероним передает следующим образом: «И тогда видел я нечестивых погребенными, и пришли, и от места святого вышли, и похвалены были в

¹ *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. P. 1348.

² *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. P. 1348.

³ Иероним Стридонский. *Толкование на Книгу Екклезиаств, к Павле и Евстохию // Творения блаженного Иеронима Стридонского*. Ч. 6. Киев, 1880. (Библиотека святых отцов и учителей Церкви западной, издаваемая при Киевской Духовной Академии. Книга 11. Часть 6). С. 85.

городе, что так сделали. Но и это суета»¹. На наш взгляд, под приходящими и уходящими людьми следует понимать тех, которые хоронят нечестивых, восхваляя их.

Наконец, следует упомянуть и еще одну возможность перевода Еккл. 8:10, при которой исчезает всякая связь этого библейского отрывка с египетским текстом «Обличенный поселянина». Речь идет о прочтении рассматриваемого стиха, представленном в английском переводе NET Bible². Данный перевод интересен тем, что он снабжен очень подробными комментариями. «Not only that, but I have seen the wicked approaching and entering the temple, and as they left the holy temple, they boasted in the city that they had done so. This also is an enigma» - «Более того, видел я нечестивых, приближающихся и входящих в храм, и когда они выходили из храма, они похвалялись в городе тем, что они так делают. Это также загадка»³.

Переводчики в данном случае исходили из предположения, что масоретский текст испорчен, и вместо слова קברים следует читать слово קרבים, которое является действительный причастием мужского рода единственного числа от глагола קרב, «подходить, приближаться». Глагол קרב является синонимом к слову בא и используется в Ветхом Завете для обозначения приближения человека к Богу в скинии или храме. Ошибка могла появиться в тексте по вине переписчика, переставившего местами буквы ר и ב в словах קבר и קרב⁴. Такой перевод также согласуется с дальнейшими рассуждениями в Еккл. 8:11-17, где говорится о непости-

¹ Иероним Стридонский. *Толкование на Книгу Екклезиаст // Творения блаженного Иеронима Стридонского*. Ч. 6. С. 84

² Публикацию данного перевода и комментариев к нему можно найти в издании: *Net Bible. First Edition. A New Approach to Translation, Thoroughly Documented. With 60,932 Notes*. By the Translators and Editors. (www.bible.org). Biblical Studies Press, 2005; или на Интернет-сайте: www.bible.org.

³ *Net Bible. First Edition. A New Approach to Translation, Thoroughly Documented*. P. 1212-1213.

⁴ *Net Bible. First Edition. A New Approach to Translation, Thoroughly Documented*. P. 1212-1213.

жимости божественного замысла, о страдании праведников и благоденствии нечестивых. Нечестивые подходят, идут и уходят от святого места (т. е. гордо приходят к храму, совершают положенные религиозные действия, не боясь Бога) и кичатся, восхваляют себя в городе, где они совершают свои незаконные дела, притеснения.

Как уже было видно, в Книге Екклезиаста напрямую говорится о некоем суде Божиим. И хотя не совсем понятно, что это за суд, но авторские рассуждения о несправедливостях, сопровождающих человеческую жизнь, иногда даже всю человеческую жизнь, вызывают предположения о том, что речь идет о некоем эсхатологическом суде.

В египетском произведении также поднимается тема божественного суда. О египетском загробном суде напоминают призывы быть таким же справедливым в суде, какими являются боги, призывы подражать божественному правосудию. Об этом же суде напоминает и образ взвешивания на весах, который использует египетский автор. У современного читателя, даже вскользь знакомого с египетскими религиозными представлениями, этот образ неизменно ассоциируется с египетским загробным судом, на котором происходило взвешивание сердца человека и вынесение окончательного приговора о судьбе умершего. Изображения сцены взвешивания сердца человека сохранились в различных вариантах египетской Книги Мертвых. Свидетелем этого взвешивания был ряд божеств, однако непосредственное участие в этой процедуре принимали боги Тот и Анупис. Поэтому поселянин и вспоминает бога Тота несколько раз. Выше был процитирован соответствующий отрывок из седьмой речи. Но в третьей речи есть не менее яркие слова: «Разве ручные весы ошибаются? Разве стоячие весы фальшивят? Разве Тот попустительствует? (Если да,) тогда можешь творить беззаконие» (180-181). В этой же речи мы встречаем удивительное сравнение чиновника с весами, поражающее своим буквализмом: «Язык твой – стрелка весов, сердце твое – гирька, губы твои – их плечи» (197-198). Это же сравнение имеется в девятой речи: «Язык человека – его весы... Подвергай на-

казанию того, кто должен быть наказан, и никто не сравнится с тобой в честности» (93, 94).

Упоминание о необходимости правильного взвешивания, соединенное с напоминанием о необходимости подражания богу Тоту, а также соединенное с угрозой жалобы к богу Анубису произвели на Ренси, как представляется, очень сильное впечатление. Во всяком случае, именно после упоминания Анубиса Ренси решил прекратить свой жестокий эксперимент. «Я обращаюсь к тебе с просьбой, (но) ты не слушаешь ее. Пойду (же) я и обращусь с просьбой по поводу тебя к Анубису» (114-115). После этой угрозы чиновник решился открыться поселянину.

Как уже отмечалось, в Книге Екклезиаста имеется сама идея божественного суда, однако отсутствует образ весов, характерный для египетских представлений о божественном суде. Впрочем, этот образ не чужд для некоторых других библейских книг, относящихся к литературе мудрых. Взвешивание на весах как образ правосудия встречается в Книге Притчей Соломоновых (Притч. 21:2-3: «Господь взвешивает сердца. Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва»; Притч. 16:2: «Господь взвешивает души»), а также в Книге Иова (Иов 31:6: «Пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность»).

Итак, взгляд Екклезиаста на мир отличается двойственностью, но не лишен оптимизма. В конечном счете, только оптимизм, вера в Бога и его суд способны с точки зрения библейского автора придать смысл миру и человеку. Что касается египетского произведения, то в нем нет мучительного поиска смысла существования. В нем мы имеем дело с оптимистическим, положительным взглядом на мир и человеческое общество. В нем нет рассуждений о смысле жизни и деятельности, о смерти. Но есть религиозная убежденность в суде, в существовании действенного принципа Маат и в представлении о том, что все находится под контролем богов.

Особенности использования в «Обличениях поселянина» терминов «Маат», «ложь», «зло», «сердце» и «утроба»

Можно сказать, что опорой рассуждений поселянина является принцип Маат, т. е. его четкая убежденность в существовании правды и справедливости. Из этой убежденности черпает свои силы поселянин, на ней основано его бесстрашие и даже дерзость по отношению к вельможе. Так что идея Маат является важнейшим предметом речей простолюдина.

Термин Маат в египетских текстах может обозначать и богиню Маат, и само абстрактное понятие порядка, правды, правосудия. По мнению В. Тобина, в «Обличениях поселянина» не всегда понятно, как следует воспринимать данный термин – как обозначение богини или как обозначение абстрактной идеи правосудия¹. О Маат говорят и другие египетские тексты, которые имеют определенные параллели с Книгой Екклезиаста («Поучение Мерикара», «Поучение Птаххотепа»). В отличие от «Поучения Птаххотепа», в «Обличениях» мы имеем дело практически только с безличным принципом Маат и напрямую не сталкиваемся с идеей о произвольном действии непостижимой божественной воли². Поселянин озабочен только нарушением принципа Маат и бездействием Ренси, воля которого остается неизвестной для него в течение некоторого времени.

С термином Маат в тексте «Обличений» мы встречаемся только в речах обиженного поселянина (за исключением завершения текста, в котором фараон называется правогласным). Что касается речей, то этот термин отсутству-

¹ *The Tale of the Eloquent Peasant // The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry.* P. 25.

² О египетских представлениях о безличном принципе Маат и о произвольном действии непостижимой божественной воли см.: Adams, Samuel L. *Wisdom in Transition. Act and Consequence in Second Temple Instructions* / Samuel L. Adams. Leiden – Boston: Brill, 2008. (Supplements to the Journal for the Study of Judaism. Editor John J. Collins. Vol. 125). P. 19-26.

ет лишь в пятой речи, которая отличается краткостью. В «Обличениях поселянина» насчитывается 29 случаев использования данного термина¹. Понятие Маат употребляется в «Обличениях» так же, как и в других египетских поучениях. Маат отличается реальностью и действенностью. Следование Маат обеспечивает успех человека в жизни, а нарушение Маат влечет за собой беды:

«Когда ты спускаешься к озеру **справедливости** (*jr h3=k r š n m3t*) и плывешь по нему под парусами, то не сорвется полотнище твоего паруса» (первая речь, 85-87);

«**Справедливый** поступок – дыхание для носа (*šw pw n fnd jrt m3t*)» (третья речь, 177);

«Говори **правду**, твори **правду** (*dd m3t jr m3t*), ибо она возвышенна, могущественна, долговечна ... , она ведет к блаженству» (восьмая речь, 351-353).

«У того, кто глух к **правде**, нет друга (*nn hnms n sh m3t*)» (девятая речь, 110).

Принцип Маат всегда восторжествует:

«Найдут, наконец, сокрывшего **правду** (*gm.tw jmnw m3t*), ложь будет ниспровергнута (*rdj.tw s3 grg r t3*)!» (третья речь, 213-214);

«Ведь **правда** пребывает до века (*jw swt m3t r nhh*), она нисходит вместе с тем, кто поступает в соответствии с ней, в преисподнюю (*h33=s m-с jrr sj r hrt-ntr*)» (восьмая речь, 338-339).

Осуществление Маат – это задача, которая стоит в первую очередь перед теми людьми, которые обладают властью. И неудивительно, ведь от этих людей зависит процветание всей страны: «Равновесие страны (*сk3yt nt t3*) – в соблюдении **справедливости** (*jrt m3t {w}*)» (третья речь, 189-190). Поэтому об этих людях и судят в первую очередь по степени их соответствия этому принципу. В начале и в конце книги египетский фараон, к которому автор испытывает почтение, называется **правогласным** (*m3c-hrw*) (встав-

¹ В русских переводах термин Маат передается обычно словами «справедливость», «правда», «истина». Представляется, что правильнее было бы оставлять этот термин без перевода.

ка в первую речь, 104; заключение, 131). Как видно из книги, верными этому принципу оказались и фараон, и Ренси. Об этом свидетельствует уже то, что речь поселянина именно потому привлекла внимание со стороны Ренси, что она была истинна, правдива, справедлива: «Я нашел одного из этих поселян, речь которого отменно **справедлива** (*gm.n=j w^c m nn n shtj nfr mdw n wn-m3^c*)» (вставка в первую речь, 106-107)¹.

Сильные мира сего более других должны быть гарантиями Маат в этом мире. В этом убежден поселянин, который обращается к Ренси: «Великий, чуждый низости (*šw m ndyt*), искореняющий ложь, вызывающий к бытию **истину** (*shtm grg šhpr m3^ct*)» (первая речь, 97-98). И поэтому поселянина более всего возмущает то, что Ренси, как ему представлялось, отказывается следовать принципу Маат, не хочет вступить за правое дело:

«(Невозможно) выступить человеку (*rdjt h^c s r*) за свое **правое** дело (*sp=f nfr n wn m3^ct*)» (четвертая речь, 233-234);

«О господин! Позволь человеку обратиться к тебе (*nb=j w3h=k njs tw s*) относительно его **правого** дела (*r sp=f n wn-m3^c*)» (седьмая речь, 300-301);

«(Ты), который в действительности должен дать возможность человеку выступить за свое **правое** дело (*rdj 3 h^c s r sp=f nfr n wn-m3^c*)» (восьмая речь, 324);

«Человек призывает помочь ему в **правом** деле (*njs s r sp=f n wn-m3^c*)» (девятая речь, 109).

И поселянин начинает учить вельможу, обращая его внимание на нарушение правды и на необходимость следовать правде:

«Смотри! **Правда**, прогнанная со своего места, угнетена (?) тобою (*mk m3^ct wth=s hr=k nš.tj m st=s*)» (вторая речь, 128-129);

¹ Впрочем, возможен и другой перевод: «Я отыскал одного жителя оазиса, поистине красноречивого» (*Красноречивый крестьянин // Древний Египет. Сказания. Притчи.* Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. С. 79).

«Человек честный и **справедливый**, ставший криводушным (*mtj m³ᶜ ḥpr m tnbḥ*)» (вторая речь, 128);

«Если ты правишь рулем, сообразуясь с парусом (*jr rk ḥmw r ndbyt*), то течение вынесет тебя на путь **справедливости** (*šd wḏnw r jrt m³ᶜt*)» (третья речь, 187-188);

«Будь же милостив и постарайся узнать **правду** (*w³ḥ ḥb=k rḥ=k m³ᶜt*)» (четвертая речь, 240-241);

«Всякий ... ложь (*nb sjsf grg*), вызывает к бытию **правду** (*shpr m³ᶜt*)» (шестая речь, 272);

«Плут наносит ущерб **истине** (*jw sjṯ sšrr=f m³ᶜt*)» (шестая речь, 281-282);

«Когда наполняют правильно, **истина** не преуменьшается, (но и не) преувеличивается (*mḥ nfr n ḥks n wbn m³ᶜt*)» (шестая речь, 282-283);

«Тот, кто подрывает закон, тот, кто нарушает правопорядок (*ḥb³ ḥp ḥd tp-ḥsb*) таким образом, что несчастный, ограбленный им, не может больше существовать (*nn m³r ᶜnh*), - от того отступилась **правда** (*ḥᶜḏw=f n wšd sw m³ᶜt*)» (седьмая речь, 305-306);

«Falsehood [...] when its need arises (*grg ḥpr ḥrt=f*), but the **truth** returns to correct it (*ᶜnn sj m³ᶜt r ᶜk³=f*)» (девятая речь, 95-96)¹.

Поселянин напоминает вельможе, что правда присуща богам, поэтому человек тем более должен следовать Маат: «Твори **справедливость** ради (*jr m³ᶜt n*) Владыки **справедливости** (*nb m³ᶜt*), **справедливость** которого – (подлинная) **справедливость** (*ntj wn m³ᶜt nt m³ᶜt=f*)» (восьмая речь, 334-335).

В Книге Екклезиаста нет понятия, которое бы абсолютно точно соответствовало понятию Маат. Однако к

¹ *The Eloquent Peasant* // Интернет-сайт «Ancient Egyptian Language». Режим доступа: <http://www.rostau.org.uk/ep/EPAlign/MJPeasant.pdf>. Дата доступа: 06.09.2011.

Данное место сложно для прочтения и при переводах обычно опускается.

египетской Маат определенную близость имеют такие понятия, как мудрость, заповедь, праведность¹.

Понятию Маат в «Обличениях» противостоят такие понятия как ложь и зло². Ложь, *grg*, получает в книге негативную оценку. Ложь должна быть искоренена, ее искоренение должно быть задачей властителей, чиновников:

«Великий, чуждый низости (*šw m ndyt*), искореняющий **ложь**, вызывающий к бытию **истину** (*šhtm grg šhpr mʒt*)» (первая речь, 97-98);

«Не говори **неправды**, ибо ты занимаешь высокое положение (*m dd grg jw=k wr.tj*)» (третья речь, 190);

«Не говори **неправды**, ибо ты (олицетворение) весов (*m dd grg ntk jwsw*)» (третья речь, 191).

Но в жизни ложь зачастую торжествует:

«Корзиной (для фруктов) можно подкупить тех, что производит дознание (*mndm pw ʒdyw sdmyw*); их работа заключается в том, чтобы приносить **ложь** (*smw=sn pw dd grg*)» (вторая речь, 165);

«Уничтожено добро, нет никого, кто мог бы похвалиться (*hd bw-nfr nn ʒbt=f*) тем, что **ложь** ниспровергнута (*grg r tʒ*)» (четвертая речь, 228-229);

«Садовник зла (*kʒny n bw-hwrg hr*) орошает свой сад грехом (*ntf hsp=f m jwyt*), чтобы превратить его в (сад) **лжи** (*r šhpr hsp=f m grg*)» (шестая речь, 294-296);

«Прибежище для насильника (*jbww pw n ʒdw*) – вот кто (эти) сановники, поставленные для того, чтобы бороться с **ложью** (*srw jr.n.tw r hsf r grg*)» (восьмая речь, 328-329).

Ложь не принесет человеку успеха:

«Пусть язык твой будет правильным; не ошибайся. Человек сам может быть причиной своей гибели. Не производи **лжи** (*m dd grg*)» (вторая речь, 162-163);

¹ Об использовании в Книге Екклесиаста терминов «мудрость», «заповедь» и «праведность» в сравнении с термином «Маат» см. в статье: Акимов, В. В. *Древнеегипетское «Поучение Птаххотена» и библейская Книга Екклесиаста* // подготовлено к печати.

² См. также: «Размышления Хахаперрасенеба» (Ресто 11), «Пророчество Нофрети» (68-69), «Речения Ипувера» (5.3-4), «Разговор разочарованного со своим Ба» (122-123).

«Найдут, наконец, сокрывшего **правду** (*gm.tw jmnw m3ʕt*), **ложь** будет ниспровергнута (*rdj.tw s3 grg r t3*)!» (третья речь, 213-214);

«Если **кривда** отправляется в путь, то она блуждает (*jr ʕm grg jw=f tnm=f*)» (девятая речь, 98).

Противопоставление лжи и истины встречается еще в нескольких местах книги, которые сложны для перевода: «Всякий ... **ложь** (*nb sjsf grg*), вызывает к бытию **правду** (*shpr m3ʕt*)» (шестая речь, 272); «*grg hpr hrt=f ʕnn sj m3ʕt r ʕk3=f*» (девятая речь, 95-96); «*jht pw nt grg m3ʕt*» (девятая речь, 96-97)¹.

Понятию Маат в «Обличениях» противопоставит и понятие *jyt*, зло. Но зло не просто противопоставляется Маат. Оно представляется последствием нарушения Маат. Кто игнорирует правду, того постигает зло и несчастье:

«Не случится **беды** с твоей мачтой (*nn jwt jyt m ht=k*)», - сообщается в связи с описанием плавания по озеру справедливости (первая речь, 88);

«Садовник зла (*k3ny n bw-hwrw hr*) орошает свой сад грехом (*ntf hsp=f m jwyt*), чтобы превратить его в (сад) лжи (*r shpr hsp=f m grg*), чтобы взрастить **беду** в своих владениях (*r ntf jyt n dt*)» (шестая речь, 294-296);

«Не старайся обеспечить (себе) завтрашний день, прежде чем он наступил (*m grg dw3 n jjt=f*), кто знает, какие **беды** он несет с собой (*n rh.n.tw jyt jm=f*)» (третья речь, 214-215)².

Однако в реальном мире зло торжествует так же, как и ложь:

«Тот, кто должен искоренить грех, творит **зло** (*hsf jw hr jrt jyt*)» (вторая речь, 133-134);

«Царь – в дворцовом покое (*jw nsw m hntj*), руль в твоих руках (*jw hmw m ʕ=k*), а вокруг тебя творятся **неправедные** дела (*rdj.tw jyt m h3w=k*)» (вторая речь, 158-159);

¹ См., например: *Комментарии. Обличения поселянина // Сказки и повести Древнего Египта*. Перевод и комментарии И. Г. Лившица. С. 216 (примечание 107).

² В данном отрывке речь идет о стремлении человека обогатиться за счет других людей, чтобы обеспечить себе будущее.

«*ntf jyt r rdjt rd ḥbsw*» (третья речь, 185-186)¹;

«Вор, разбойник, грабитель – вот кто эти сановники, поставленные для того, чтобы бороться с **несправедливостью** (*jyt*)» (восьмая речь, 327-328).

Вельможа, игнорирующий правду, может принести зло, несчастье многим людям: «Калам, свиток папируса, палетка, Тот (*ʿr šfdw gstj Ṣdhwtj*), – остерегайся причинять **несчастье** (*hr.tj r jrt jyt*)» (восьмая речь, 337).

Анализ использования терминов Маат, ложь, зло в тексте «Обличений» показывает, что автор книги имел четкое представление о правде и справедливости, видел в реальном мире нарушение принципа Маат, был крайне озабочен попранием истины, но при этом сохранял уверенность в возмездии, в конечном торжестве правды. Победу правды он усматривал не только в рамках этого мира, в пределах одной человеческой жизни. Эта победа может проявиться и после смерти человека. Взгляд египетского автора отличается цельностью. Библейский автор, как уже отмечалось, не обладал таким цельным взглядом. Он выражал сомнение в воздаянии, в существовании и действенности принципа справедливости. В конечно счете, он избирает такую же позицию, которая характерна и для египетского автора. Однако в рамках Книги Екклесиаста эта позиция базируется только на вере в Бога и доверии к Нему.

Следует обратить внимание еще на несколько терминов из египетского произведения, которые представляют интерес в связи с библейской Книгой Екклесиаста. В первую очередь, это термин «сердце»². В библейской книге по частоте упоминания он является одним из ключевых терминов. Сердце в ней – это некий духовный орган, через который проявляются эмоции, воля и интеллект человека.

¹ Орывок сложен для перевода. И. Г. Лившиц оставил его без перевода. И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон перевели его так: «Орошенное тобою **зло** покроеет землю сплошными зарослями» (*Красноречивый крестьянин // Древний Египет. Сказания. Притчи*. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. С. 86).

² Перечень случаев использования этого термина в «Обличениях поселянина» см. в приложении.

И даже более того, сердце в Книге Екклезиаста персонифицируется, автор отделяет себя от своего сердца, вступает в диалог со своим сердцем. В «Обличениях поселянина» мы не встречаем персонификации сердца. Однако само восприятие сердца как органа оценивающего, органа, связанного с эмоциональной, волевой и интеллектуальной сферой человеческой жизни, совпадает с тем, что мы имеем в Книге Екклезиаста. По частоте упоминаний в египетском тексте (около 30 раз) термин «сердце» сопоставим с термином «Маат» (29 раз).

Анализ использования в египетском тексте термина «сердце», *jb*, показывает, что этот термин употреблялся для выражения эмоциональной близости, доверия, проявлений чувств, эмоций, человеческих страстей, воли, интеллекта. Этот термин употребляется при обозначении доверенного слуги («*hrt-jb*» (введение, 69, 71)), алчности («*wn-jb*» (первая речь, 97; вторая речь, 148; третья речь, 196; третья речь, 200; седьмая речь, 312; восьмая речь, 322; восьмая речь, 323; девятая речь, 111)), нетерпеливости (четвертая речь, 243), человеческих желаний («Не прислушивайся (только) к своим желаниям (*m sdm n jb*)» (девятая речь, 104-105); буквально: не слушайся сердца). Сердце представляется в книге и неким оценивающим органом. Сравнивая Ренси с весами, поселянин говорит: «Сердце твое (*jb=k*) – гирька» (третья речь, 197).

Сердце – это и вместилище мыслей. Чужие мысли недоступны другим людям: «Никто не знает, что таится в сердце (другого) (*n rh.n.tw wnnt m jb*)» (шестая речь, 287; седьмая речь, 304); «Ты не знаешь моего сердца (*n sj3.n=k jb=j*)» (восьмая речь, 329). Сердце зачастую обозначает человека как такового.

Сердцу в египетском тексте соответствует еще один важный термин – «утроба», *ht*. В целом ряде египетских произведений утроба, чрево воспринимается как вместилище мудрости и разума, воли и эмоций¹. В таком значении

¹ См.: «Поучение Аменемопе» (22:11-16); «Размышления Хахперасенеба» (Ресто 3); «Поучение Птаххотепа» (266-267).

данный термин использует поселянин в своей седьмой речи:

«Тело мое было переполнено (*jw grt ht=j mh.tj*), сердце мое было обременено (*jb=j 3tp(.w)*), и (все это) изверглось из моего тела вследствие того состояния, в котором оно находилось (*pr js m ht=j n ° jrj*)» 306-307;

«Я изверг то, что было в моем теле (*snf.n=j ntt m ht=j*) ... Моя речь закончена (*hn=j hpr(.w)*)» 310-311.

Подобного употребления термина «утроба» в Книге Екклезиаста нет, но оно встречается, например, в Книге Иова.

Мудрость и социальное положение человека. Сила красноречия. Ограниченность человека в достижениях и происходящих в его жизни событиях. Конечное торжество правды и истины

Общее содержание египетского произведения свидетельствует о том, что красноречие и мудрость не зависят от социального положения человека, могут быть присущи всякому человеку, даже простолыдину. Речи поселянина производят неизгладимое впечатление не только на вельможу, но даже на самого царя. Подобное представление, представление о том, что даром красивого слова и даром мудрости может обладать простой человек, отражено и в Книге Екклесиаста. В Еккл. 9:14-15 упоминается бедняк, который своей мудростью спас целый город, осажденный великим царем, хотя и говорится, что после этого о бедняке никто и не вспомнил (Еккл. 9:14-15)¹. Благодаря мудрости юноша, вышедший из тюрьмы, может стать царем, отняв власть у глупого властителя (Еккл. 4:13-14).

Оба произведения свидетельствуют об огромной силе красноречия. Ведь если бы поселянин не обладал красноречием и твердой уверенностью в торжестве правды и ис-

¹ Стих 9:15 можно переводить и несколько иначе: «И нашелся в нем бедный мудрый человек (וּמְצָא בָּהּ אִישׁ מִסְכֵּן חָכֵם), и он мог бы спасти город своей мудростью (וּמִלְמַדְהוּא אֶת־הָעִיר בְּחָכְמוֹתָיו). Но люди не вспомнили об этом бедном человеке (וְאֵינָם לֹא זָכְרוּ אֶת־הָאִישׁ הַמִּסְכֵּן הַהוּא)».

тины, он едва добился бы правосудия. В Книге Екклезиаста мысль о силе воздействия слова выражена так: «Спокойные слова мудрых слышатся (лучше) (דְּבַרֵי חָכְמִים בְּנֶחֱם שְׁמָעִים), чем крик правителя среди глупых (מִזְעָקַת מוֹשֵׁל בְּכִסְיִלִים)» (Еккл. 9:17).

В «Обличениях поселянина» косвенно выражается идея ограниченности человека. Человек ограничен в восприятии обстоятельств, сопутствующих его жизни. Поселянин страдает, ему кажется, что против него ополчился весь мир, что вельможа глух к его мольбам. В конце он даже договаривается до того, что смерть является лучшим выходом их сложившейся ситуации. Но на самом деле, Ренси с самого начала был расположен к этому простому человеку.

Для поселянина Ренси кажется молчащим, безразлично молчащим. Но для читателей «Обличений» уже после первой речи поселянина становится ясным то, что на самом деле Ренси симпатизирует красноречивому простолюдину. Когда Ренси докладывает о происходящем фараону, он отмечает, что речь поселянина отменно справедлива. Немаловажен и сам факт обращения Ренси к фараону, свидетельствующий о том, что впечатление, которое произвел поселянин на вельможу, было необыкновенно ярким. Вместе с тем, Ренси достаточно жестко провоцировал поселянина к произнесению им обличений. Вторая речь была прервана угрозой: «Твое добро важнее для твоего сердца, чем то, что мой слуга схватит тебя?» (134-135). А во время третьей речи стражи и вовсе отхлестали поселянина, делая это по повелению самого Ренси (216-218).

Характерно также и поведение самого фараона. Фараон также отнесся к простолюдину с интересом и симпатией. Его предварительное решение может показаться жестоким: он повелевает задержать поселянина, не реагировать на его жалобы, но сами жалобы тщательно записывать. Вместе с тем, фараон повелевает позаботиться и о самом поселянине, и о его семье (но так, чтобы тот об этом не подозревал). Для поселянина фараон остается далеким, недостижимым и молчащим. Но именно такая позиция фарао-

на позволила во всей полноте раскрыть поселянину его дар красноречия.

Для поселянина фараон представляется и вовсе недостижимым существом, поскольку простой человек даже не дерзает обратиться к божественному правителю Египта. Судя по тому, как поселянин обращается к Ренси, именно Ренси является в его глазах высшим земным чиновником. Об этом четко говорит такое обращение к Ренси: «Величайший из великих, руководитель того, что не существует и того, что существует» (первая речь, 84-85), «Кормило неба, опора земли, нить отвеса» (вторая речь, 121-122), «Ты – кормило всей страны. Страна плывет по твоему приказу» (седьмая речь, 298-299). Поселянин фактически признает Ренси земным правителем страны: «Царь – в дворцовом покое, руль в твоих руках, а вокруг тебя творятся несправедливые дела» (вторая речь, 158-159)¹. Можно предположить, что для поселянина фараон так же далек, как далеки от простого человека боги. И когда поселянин в восьмой речи призывает Ренси творить справедливость ради Владыки справедливости, справедливость которого является подлинной справедливостью, под этим владыкой он мог понимать не только одно из египетских божеств, например, бога Тот, но и божественного фараона.

Поселянин переживал, страдал, даже не подозревая о том, что его поведение является своеобразным развлечением для вельможи и царя. Но не следует рассматривать поведение фараона только как поиск развлечения. Обличительные речи простолюдина стали фактически гимном справедливости. И вероятно, именно из-за любви фараона к справедливости речи поселянина оказались «приятнее для сердца (его величества), чем все, что находилось во всей этой стране» (заклучение, 131). Так что фараон не может быть признан негативным персонажем.

¹ В переводе И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона этот отрывок читается так: «Фараон не выходит на палубу, кормило в твоих руках, и ты сеешь зло вокруг себя» (*Красноречивый крестьянин // Древний Египет. Сказания. Притчи*. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. С. 84).

Вся эта история показывает, что человек не всегда может проникнуть в суть происходящих с ним событий. Проблемы и сложности, возникающие на пути человека, порой могут принести ему богатые плоды. Ну а то, что многое сокрыто от человека, признает и сам поселянин. В шестой и седьмой речах он произносит такие слова: «Никто не знает, что таится в сердце (другого)» (287, 304).

Видя несправедливость, страдая от несправедливости, имея четкие представления о правде и истине, будучи уверенным в их незыблемости, имея надежду на справедливость, но не понимая сути всего происходящего, поселянин в оценке вельможи занимает резко противоположные позиции. Он то восхваляет Ренси, превознося его справедливость до небес, то высказывает очень жесткие и обидные обличения:

«Ты силен и могущественен; твоя рука дерзновенна, твое сердце алчно. Кротость покинула тебя. Сколь жалостен несчастный, погубленный тобою! Ты подобен вестнику Крокодила. Ведь ты превосходишь даже Владычицу чумы» (вторая речь, 147-151);

«Он слеп по отношению к тому, что видит, глух к тому, что слышит, невнимателен к тому, о чем ему напоминают!» (третья речь, 219-220);

«Ведь ты подобен чиновнику, который ворует, правителю, который берет взятки, начальнику округа, который должен преследовать разбой, но который стал примером для творящего (разбой)» (третья речь, 223-224).

Вся эта ситуация, в которой оказывается поселянин, отчасти может напомнить ту ситуацию, в которой оказывается автор Книги Екклезиаста. При этом образ поселянина вполне соответствует образу Екклезиаста, а образы вельможи и царя могут напомнить представление библейского автора о Боге.

В Книге Екклезиаста Бог представлен несколько отстраненно, обобщенно и отвлеченно, о Нем можно сказать главным образом только то, что Он есть, что Он превыше мира, сотворенного Им. Об этом свидетельствует несколько особенностей книги. Во-первых, Бог обозначается в ней

только одним теонимом – Элогим. Это имя, как отмечает Й. Вейнберг, «выражает наиболее обобщенное и отвлеченное восприятие одного и единственного Бога»¹. Если имя Яхве самим своим происхождением, как это описано в книге Исход, связано с историей непосредственного вхождения Бога в жизнь избранного Им народа, с историей заботы, опеки Бога, Который стал Богом близким народу, то имя Элогим напоминает о всемогущем, великом Боге как творце огромного мира.

Во-вторых, как отмечает тот же Й. Вейнберг, в книге «почти нет встречающихся в большинстве других сочинений Танаха проявлений «телесности» Бога, т. е. не упоминаются ни Его глаза, ни уста и т. д.»². Ведь, собственно, антропоморфизмы употребляются в Библии именно для того, чтобы показать близость Бога к миру, к человеку, безразличие Бога к Своему творению, любовь Бога, заботу Бога.

В-третьих, в книге выражается сомнение в том, что Богу вообще есть какое-либо дело до мира и человека. Да, Бог сотворил внешне гармоничный, слаженный мир, но в этом огромном и холодном мире человек – это только маленькая, едва заметная песчинка. В этом мире человек страдает от несправедливости, в этом мире совершаются беззакония, так что у человека почти не остается надежды на праведный суд и воздаяние. В этом мире человек обречен на смерть, которая обесмысливает не только деятельность человека, но и саму жизнь человека. Но вместе с пессимизмом автор Книги Екклезиаста выражает и оптимистичный взгляд на мир и человека. Человек не одинок в этом мире, он не брошен и не забыт. За человеком наблюдает Бог, Который явит Себя в Своем праведном суде. И только присутствие Бога может придать смысл и жизни, и деятельности человека.

¹ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания* / Й. Вейнберг. Иерусалим-Москва: Мосты культуры, 2005. С. 182.

² Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания* / Й. Вейнберг. С. 182.

В-четвертых, по отношению к человеку Бог непостижим. Кажущаяся человеку отдаленность, отстраненность Бога проистекает от человеческой ограниченности, от невозможности для человека познать Бога, проникнуть в божественный замысел. Автор Книги Екклезиаста страдает, мучается от своей неспособности приоткрыть тайну событий, происходящих в этом мире.

Мысль о человеческой ограниченности и невозможности обладания мудростью, абсолютным знанием, недостижимости знания о делах и замыслах Бога выражается в Книге Екклезиаста достаточно часто:

«Я сказал: стану-ка я мудрым (אָמַרְתִּי אֶחְכְּמָה). Но она была далека от меня (וְהִיא רְחוֹקָה מִמֶּנִּי). Далеко то, что было, и глубоко, глубоко (רְחוֹק מִהִשְׁתַּהוּהוּ וְעֵמֶק עִמָּק). Кто отыщет его (מִי יִמְצָאנוּ)?» (Еккл. 7:23-24);

«И я увидел все дела Бога (וְרָאִיתִי אֶת-כָּל-מַעֲשֵׂה הָאֱלֹהִים), что не сможет человек найти (постигнуть) дело, которое делается под солнцем (יִכַּל הָאָדָם לִמְצוֹא אֶת-הַמַּעֲשֵׂה אֲשֶׁר נַעֲשֶׂה תַּחַת-הַשָּׁמַיִם), что бы ни сделал человек, чтобы отыскать, он не найдет (не постигнет) (בְּשָׁל אֲשֶׁר יַעֲמַל הָאָדָם לִבְקֹשׁ וְלֹא יִמְצָא), и даже если мудрец (сможет) сказать, что он знает (הַחֲכָם לְדַעַת), (он все равно) не сможет найти (постигнуть) (לֹא יִכַּל לִמְצָא)» (Еккл. 8:17).

Бог дал неведение сердцам человеческим, так что человек не может постичь дела Божия (Еккл. 3:11), никто не может постичь дела Бога, никакой мудрец (Еккл. 8:17; Ср. Еккл. 11:5). И эта мысль в Книге Екклезиаста подчеркивает важность человеческого смирения перед Богом. Человек не может судиться с Тем, кто сильнее его (Еккл. 6:10), он не властен изменить того, что делает Бог (Еккл. 7:13-14), он должен смиряться перед Богом так же, как он делает это перед земным царем (Еккл. 8:4).

О человеческом неведении может напоминать и термин הַבֵּל, который является одним из ключевых терминов этой книги. Перевод этого еврейского слова представляет определенную проблему. В контексте некоторых стихов это еврейское слово может иметь оттенок сокровенности, непостижимости, таинственности, что, впрочем, характер-

но для невидимого дыхания, пара, ветра. Например, в Еккл. 8:10-14 это слово может означать то, что описанное автором торжество беззакония, происходящее на земле, в контексте веры в справедливого Бога является непостижимой тайной. В Еккл. 6:2 מְהֵרָה характеризует ситуацию, когда имуществом одного человека несправедливо пользуется другой человек. А в Еккл 11:8,10 оно употребляется в связи с неопределенностью будущего. Поэтому в английском переводе NET Bible этот еврейский термин передается словом «enigma», «загадка»¹.

Для Книги Екклезиаста характерен антропоцентризм. В центре книги – человек, со своими размышлениями и страданиями. Человек страдает от несправедливости, от невозможности постичь таинственный божественный план. Поэтому он то сомневается в традиционных истинах, в праведном суде Бога, в том, что существует воздаяние, то выражает твердую надежду на этот суд и воздаяние. Это очень напоминает и позицию поселянина, пребывающего в полной безвестности о замыслах вельможи, а потому то восхваляющего, то обличающего Ренси.

Автор Книги Екклезиаста может вполне отчетливо напомнить красноречивого поселянина из египетского произведения. Как и египетский поселянин, Екклезиаст возмущен несправедливостью, имеет четкие представления об идеале правды, страдает о невозможности понять суть происходящего, сохраняет надежду на праведный суд, бросается в крайности, то восхваляя, то обвиняя того, кто ответствен за происходящее. Как автор Книги Екклезиаста смотрит на Бога, великого, праведного, далекого, непостижимого, так и египетский поселянин смотрит на всемогущего вельможу и фараона. В каком-то смысле, то место, которое в Книге Екклезиаста занимает Бог, в «Обличениях поселянина» занимают Ренси и фараон. Собственно, в сознании древних египтян, фараон и был божеством.

¹ См., например: *Net Bible. First Edition. A New Approach to Translation, Thoroughly Documented.* P. 1212-1213.

В Книге Екклезиаста мы также имеем дело с сопоставлением царя и Бога. Как и Бог, царь не отчитывается в своих действиях, как и Бог, царь требует от подвластных себе людей повиновения и смирения:

«Соблюдай повеления царя (אני פיר-מלך שמור) ради клятвы перед Богом (ועל דברת שבועת אלהים). Не спеши уходить от его лица (אל-תבהל מפניו חלך), и не отстаивай никакого зла (על דבר-מלך שלטון), потому что он сделает все, что пожелает (כי כל-אשר יחפץ באשר), и кто скажет ему: что ты будешь делать (ולו מה-תעשה)?» (Еккл. 8:2-4).

Для обоих произведений характерен антропоцентризм. Они включают рассуждения страдающего человека, который мучается от своего бессилия изменить существующий несправедливый порядок вещей, от бессилия утвердить в мире правду и истину.

В обоих памятниках присутствует надежда на высшую справедливость, на торжество справедливости в этом мире. Египетское произведение завершается достаточно оптимистично. Оно показывает торжество этой надежды. Обидчик наказан, а пострадавшему поселянину не только вернули отнятое у него, но дали и сверх того. Вера в справедливость и необыкновенное красноречие принесли свои плоды. В библейской книге нет такого оптимистичного конца. Книга Екклесиаста требует от читающего веры в воздаяние и справедливость, веры в праведного Бога. Человеческие размышления, которые отражены в библейской книге, заводят ее читателя в тупик. И читатель остается перед выбором – признать бессмысленность мира и всего, что происходит в нем, или предпочесть этому взгляду веру в Бога. Она показывает, что только вера в Бога и позволяет выжить в этом мире человеку, который думает и рассуждает.

Конечно, проблемное поле, которое затрагивает автор библейской книги, гораздо шире проблемного поля египетского произведения. Но это не мешает предположить, что прекрасный литературный текст египетского «Обличения поселянина» мог косвенным образом оказать влияние на библейского автора, мог помочь ему еще больше утвер-

диться и в своих печальных мыслях, и в надежде на то, что человеческие страдания не останутся незамеченными, и справедливое воздаяние утрет слезы невинным страдальцам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Случаи употребления термина «сердце» в «Обличениях поселянина»

Ослы поселянина «пришлись по сердцу ($\text{ʕ}3\text{byw } j\text{b}=f$)», т. е. понравились Тхутинехту (введение, 7.1).

Первое обращение поселянина к Ренси: «Да будет мне позволено обрадовать твое сердце ($h3 \text{ rdj.tw swd}3=j \text{ jb}=k$)» (т. е. сообщить тебе) (введение, 67-68).

«Доверенный слуга ($hrt-jb$)» (введение, 69).

«Доверенный слуга ($hrt-jb$)» (введение, 71).

Алчность ($\text{ʕ}wn-jb$) (первая речь, 97).

«Твое добро важнее для твоего сердца ($jn \text{ ʕ}t \text{ pw } n=k \text{ jmu } hrj-jb=k$)» (вторая речь, 134-135).

«Твое сердце алчно ($jb=k \text{ ʕ}wn(.w)$)» (вторая речь, 148).

Чиновников подкупают, они произносят ложь, «делают это с легким сердцем ($wn=f \text{ js.w } hr \text{ jb}=sn$)» (вторая речь, 165).

Алчное сердце ($\text{ʕ}wn-jb$) (третья речь, 196).

Сравнение Ренси с весами: «сердце твое ($jb=k$) – гирька» (третья речь, 197).

Алчное сердце ($\text{ʕ}wn-jb$) прачки (третья речь, 200).

«Невнимателен к тому, о чем ему напоминают ($th(.w) \text{ jb } hr \text{ sh}3yt \text{ n}=f$)» (третья речь, 220).

«Ведь ты – охотник, который тешит свое сердце ($mk \text{ tw } mhw \text{ j}^c \text{ jb}=f$)» (четвертая речь, 236-237).

«Нет человека беззаботного, намерения которого были бы серьезны ($nn \text{ js-jb } dns \text{ shr } ht$)» (четвертая речь, 240).

«Будь же милостив и постарайся узнать правду ($w3h \text{ jb}=k \text{ rh}=k \text{ m}^3\text{ʕ}t$)» (четвертая речь, 241).

«Нет человека вспыльчивого (*nn wn ḥ3ḥ jb*)» (четвертая речь, 243).

«Когда глаза (желают) видеть, тогда донесение воспринимается (правильно) (*sgmḥ jrtj swd3.tw jb*)» (четвертая речь, 244).

«Тебе доверяют (*jw mḥ.tw jb jm=k*)» (пятая речь, 267).

«Никто не знает, что таится в сердце (другого) (*n ḥ.n.tw wnnt m jb*)» (шестая речь, 287).

«Не гневайся, это тебе не подобает (*m šnt jb=k n n=k st*)» (седьмая речь, 301). Другой вариант перевода: «не упорствуй».

«Дальновидный человек становится недалеким (*ḥpr 3w ḥr m ḥw jb*)» (седьмая речь, 302).

«Никто не знает, что таится в сердце (другого) (*n ḥ.n.tw wnnt m jb*)» (седьмая речь, 304).

«Сердце мое было обременено (*jb=j 3tp(.w)*)» (седьмая речь, 307).

Алчность (*ᶜwn-jb*) (седьмая речь, 312).

Алчность (*ᶜwn-jb*) (восьмая речь, 322).

Алчность (*ᶜwn-jb*) (восьмая речь, 323).

«Ты не знаешь моего сердца (*n sj3.n=k jb=j*)» (восьмая речь, 329).

«Не прислушивайся (только) к своим желаниям (*m sḏm n jb*)» (девятая речь, 104-105). Буквально: не слушайся сердца.

Алчность (*ᶜwn-jb*) (девятая речь, 111).

«И это было приятнее для сердца (его величества) (*wn.jn nfr st ḥr jb=f*), чем все, что находилось во всей этой стране» (заключение, 131).